

П О Л Т А В А.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

*Тебѣ — но голосъ музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?*

*Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя пегальная пустыня,
Послѣдний звукъ твоихъ рѣгей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.*

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей (1).

Его луга необозримы;
Тамъ пабуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хупора (2)
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, апласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями (3),
Не златшомъ, данью Крымскихъ ордъ,
Не родовыми хупорами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

**И то сказать: въ Полтавѣ нѣть
Красавицы, Маріи равной.**

Она свѣжа , какъ вешній цвѣтъ
 Взлѣмъянный въ пѣни дубравной.
 Какъ шпополь Кіевскихъ высотъ
 Она спройна. Ея движенья
 То лебедя пустынныхъ водъ
 Напоминаютъ плавный ходъ,
 То лани быстрыя спременя.
 Какъ пѣна , грудь ея бѣла.
 Вокругъ высокаго чела ,
 Какъ шучи , локоны чернѣютъ.
 Звѣздой блестятъ ея глаза ;
 Ея успа , какъ роза , рдѣютъ.
 Но не единая краса
 (Мгновенный цвѣтъ !) мольвою шумной
 Въ младой Маріи почтена :
 Бездѣ прославилась она
 Дѣвицей скромной и разумной.
 За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлемпъ Украина и Россія ;
 Но опть вѣнца , какъ опть оковъ ,
 Бѣжитъ пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ отказъ — и волть
 За ней самъ Гептманъ сватовъ шлемпъ (4).

Онъ спартъ. Онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувствва въ немъ кипятъ, и вновь
Мазепа вѣдаeпть любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное:
Не споль послушно, не слегка,
Не споль мгновенными спраспями
Пылаeпть сердце спарика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ спраспей разжарено;
Но поздній жаръ ужъ не осыпнeпть
И съ жизнью лишь его покинeпть.

Не серна подъ ушесъ уходилъ,
Орла послыша пяжкій лепъ;
Одна въ сѣняхъ невѣспа бродила,
Трепещeпть и рѣшенья ждеалъ.

*

И вся полна негодованьемъ
 Къ ней мать идеть, и съ содроганьемъ
 Схвативъ ей руку, говоритьъ:
 « Безстыдный! спарецъ нечеспивый!
 « Возможно ль?.. иѣть, пока мы живы,
 « Нѣть! онъ грѣха не совершилъ.
 « Онъ, должный бытъ опцемъ и другомъ
 « Невинной креспницы своей...
 « Безумецъ! на закатѣ дней
 « Онъ вздумалъ бытъ ея супругомъ.»
 Марія воздрогнула. Лицо
 Покрыла блѣдность гробовая,
 И охладѣвъ какъ неживая
 Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
 Закрыла очи — и ни слова
 Не говоритьъ. Отецъ и мать
 Ей сердце ищутъ успокоить,
 Боязнь и горестъ разогнать,
 Тревогу смущныхъ думъ успроить...
 Напрасно. Цѣлые два дня,
 То молча плача, то стоя,
 Марія не пила, не ъла,

Шатаясь, бледная какъ пѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтилица опустіла.

Никто не зналъ, когда и какъ
Она скрылась. Лишь рыбакъ
Той ночью слышалъ конскій топотъ,
Казачью рѣчъ и женскій шопотъ,
И упромъ слѣдъ осьми подковъ
Былъ видѣнъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ лавилъ,
Да русы кудри молодые,
Порой и спарца спрятай видъ,
Рубцы чела, власы сѣды
Въ воображенье красопы
Влагають спраспиня мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:
Она забыла спыдъ и чеспъ,
Она въ объятияхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.

Тогда лишь испина явилась
 Съ своей ужасной нагой.
 Тогда лишь только объяснилась
 Душа преспупницы младой.
 Тогда лишь только спало явно,
 Зачѣмъ бѣжалъ своенравно
 Она семейственныхъ оковъ,
 Томилась тайно, вздыхала
 И на привѣты жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
 Зачѣмъ такъ тихо за сподомъ
 Она лишь Гептману внимала,
 Когда бѣстѣда ликовала
 И чаша пѣнилась виномъ;
 Зачѣмъ она всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, кои онъ слогаль (5),
 Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ неженскою душой
 Она любила конный спрой,
 И бранный звонъ липавръ и клики
 Предъ бунчукомъ и булавой
 Малороссійскаго владыки (6). . .

Богатъ и знаніень Кочубеіт.
Довольно у него друзей.
Свою омыть онъ можетъ славу.
Онъ можетъ возмущиши Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Онъ можетъ мищеніемъ опіца
Поспихнуть гордаго злодѣя;
Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить . . . но замысель іной
Волнуетъ сердце Кочубея.

Была па смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягал,
Мужала съ гениемъ ПЕТРА.
Суровый быль въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ неожданый и кровавый
Задалъ ей Шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары
Переперѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ пяжкій мланъ,
Дробя спекло, куепъ булапъ.

Вѣнчанный славой безполезной,
 Опважный Карль скользилъ надъ бездной.
 Онъ шелъ на древнюю Москву,
 Взмѣшая Рускія дружины,
 Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
 И клонитъ пыльную праву.
 Онъ шелъ пупремъ, гдѣ смѣдъ оставилъ
 Въ дни наши новый, сильный врагъ,
 Когда паденiemъ оставилъ
 Мужъ рока свой попяпній шагъ (7).

Украина глухо волновалась.
 Давно въ ней искра разгоралась.
 Друзья кровавой спарини
 Народной чаали войны,
 Ропши требуя кичливо,
 Чтобъ Гепманъ узы ихъ распоргъ,
 И Карла ждалъ неперпѣливо
 Ихъ легкомысленный воспоргъ.
 Вокругъ Мазепы раздавался
 Мяпежный крикъ: пора, пора!
 Но старый Гепманъ оспавался
 Послушнымъ подданнымъ Петра.
 Храня суровость обычайну,

Спокойно вѣдалъ онъ Украину,
Молвѣ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

«Что жь Гепманъ? юноши пвердили,
Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ спаръ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣяпельный жарь.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носить булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы спарый Дорошенко ⁽⁸⁾,
Иль Самойловичъ молодой ⁽⁹⁾,
Иль нашъ Палѣй ⁽¹⁰⁾, иль Гордѣенко ⁽¹¹⁾
Владѣли силой войсковой;
Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки ⁽¹²⁾.»

Такъ, своеволіемъ пылая,
Роптала юношь удалая,
Опасныхъ алча перемѣнь,

Забывъ опчизны давній пленъ,
 Богдана счастливые споры,
 Святыя браны, договоры
 И славу дѣдовскихъ временъ.
 Но спаросить ходить оспорожно
 И подозрительно глядить.
 Чего нельзя и чпо возможно,
 Еще не вдругъ она рѣшишь.
 Кто снедепть въ глубину морскую,
 Покрытую недвижно льдомъ?
 Кто испытующимъ умомъ
 Проникнепть бездну роковую
 Души коварной? Думы въ ней,
 Плюды подавленныхъ спрастей,
 Лежашь погружены глубоко,
 И замысель давнишихъ дней,
 Быть можетпть, зреяшь одиноко.
 Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
 Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
 Тѣмъ съ виду онъ неоспорожнѣй
 И въ обхожденіи проспѣй.
 Какъ онъ умѣетпть самовласнно
 Сердца привлечь и разгадать,
 Умами править безопасно,

Чужія тайны разрѣшать!
 Съ какой довѣрчивостью лживой,
 Какъ добродушно на ширахъ
 Со спарцами спарикъ болтливой
 Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
 Свободу славить съ своевольнымъ,
 Пеносятъ власини съ недовольнымъ,
 Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
 Съ глупцомъ разумну рѣчь ведеть!
 Не многимъ, можетъ быти, извѣстно,
 Что духъ его неукропимъ,
 Что радъ и чеснико и безчеснико
 Вредить онъ недругамъ своимъ;
 Что ни единой онъ обиды
 Съ пѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ,
 Что далеко преступны виды
 Спарикъ надменный проспиралъ;
 Что онъ не вѣдаєтъ святыни,
 Что онъ не помнитъ благосвяни,
 Что онъ не любитъ ничего,
 Что кровь гопловъ онъ лишь какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что иѣть опчины для него.

Издавна умыселъ ужасный
 Взлелѣялъ пайно злой спарикъ
 Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
 Враждебный взоръ его проникъ.

« Нѣпть, дерзкій хищникъ, нѣпть, губитель!
 Скрежеща мыслишь Кочубей,
 Я пощажу твою обицель,
 Темницу дочери моей;
 Ты не испытешь средь пожара,
 Ты не издохнешь отъ удара
 Казачей сабли. Нѣпть, злодѣй,
 Въ рукахъ Московскихъ палачей,
 Въ крови, при птицныхъ оприцаньяхъ,
 На дыбѣ, корчась въ испытаньяхъ,
 Ты проклянешь и день и часть,
 Когда ты дочь крестилъ у насъ,
 И пиръ, на коемъ чеспи чашу
 Тебѣ я полну наливалъ,
 И ночь, когда голубку нашу
 Ты, старый коршунъ, заклевалъ! . . . »

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
 Былъ другъ Мазепа; въ оны дни

Какъ солю, хлѣбомъ и елеемъ
 Дѣлились чувствами они.
 Ихъ кони по полямъ побѣды
 Скакали рядомъ сквозь огни;
 Нерѣдко долгія бесѣды
 Наединѣ вели они —
 Предъ Кочубеемъ Гепиманъ скрытной
 Души мяшежной, иенасыпной
 Опчастии бездну опкрывалъ
 И о грядущихъ измѣненяхъ,
 Переговорахъ, возмущеняхъ
 Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
 Такъ, было сердце Кочубея
 Въ то время предано ему.
 Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
 Теперь позыву одному
 Оно послушно; онъ толубитъ
 Едину мысль и день и ночь:
 Иль самъ погибнеть, иль погубитъ —
 Опмѣстить поруганную дочь.

Но предпріимчивую злобу
 Онъ крѣпко въ сердцѣ запашъ.
 «Въ безсильной гореспи, ко гробу

Теперь онъ мысли успремилъ,
 Онъ зла Мазепъ не желаєшъ;
 Всему виновна дочь одна.
 Но онъ и дочери прощаєшъ:
 Пусть Богу дасить опвѣтъ она,
 Покрывъ семью свою позоромъ,
 Забывъ и небо и законъ . . . »

А между пѣмъ орлинымъ взоромъ
 Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
 Себѣ товарищей опважныхъ,
 Неколебимыхъ, непродажныхъ.
 Во всемъ открылся онъ женѣ (15):
 Давно въ глубокой тишинѣ
 Уже доносъ онъ грозный копитъ,
 И гнѣва женскаго полна
 Неперпѣливая жена
 Супруга злобнаго шоропитъ.
 Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
 Какъ нѣкій духъ, ему она
 О мценыи щепчетъ, укоряєшъ,
 И слезы льетъ, и ободряєшъ,
 И клятвы требуетъ — и ей
 Клянется мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безспрашній Искра (14) заодно.
 И оба мысляпъ: « одолѣемъ;
 Врага паденье рѣшено.
 Но кто жъ, усердьемъ пламенъя,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодья
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положипъ не робя? »

Между Полтавскихъ Казаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
 Одинъ съ младенческихъ годовъ
 Ее любилъ любовью спрасной.
 Вечерней, упренией порой,
 На берегу рѣки родной,
 Въ пѣни Украинскихъ черешень,
 Бывало, онъ Марію ждалъ,
 И ожиданiemъ спрадалъ,
 И крапкой вспрѣчей былъ упѣшенъ.
 Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
 Не докучалъ онъ ей мольбою:
 Опиказа бѣ онъ не перекиль.
 Когда наѣхали полюю

Къ ней женихи; изъ ихъ рядовъ
 Уныль и сиръ онъ удалился.
 Когда же вдругъ межъ Казаковъ
 Позоръ Маріинъ огласился,
 И беспощадная молва
 Ее со смѣхомъ поразила;
 И пупъ Марія сохранила
 Надъ нимъ привычныя права.
 Но если кто хопя случайно
 Предъ нимъ Мазепу называлъ;
 То онъ блѣднѣль, шерзаясь шайно,
 И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
 Такъ поздно ёденть на конѣ?
 Чей эпо конь неупомимой
 Бѣжитъ въ спиши необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ пупъ,
 Казакъ не хочетъ отдохнуть
 Ни въ чистпомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
 Ни при опасной переправѣ.

Какъ спекло булатъ его блескнуть,
 Мѣшокъ за пазухой звенитъ,
 Не спотыкаясь конь репивой
 Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
 Булатъ попѣха молодца,
 Репивый конь попѣха тоже —
 Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставилъ радъ
 Коня, червонцы и булатъ,
 Но выдастъ шапку только съ бою,
 И по лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
 За пѣмъ, чио въ ней доносъ зашипѣтъ,
 Доносъ на Гепмана злодѣя
 Царю Петру опѣ Кочубея.

Грозы не чуя между пѣмъ,
 Неужасаемый ничѣмъ,
 Мазела козни продолжаетъ.
 Съ нимъ полномощный Езунть (15)

Ч. II.

7

Мятежъ народный учреждаепъ
 И шапкій пронъ ему сулипъ.
 Во пмѣ ночной они какъ воры
 Ведупъ свои переговоры,
 Измѣну цѣняпъ межъ собой,
 Слогаопъ цыфръ Универсаловъ (16),
 Торгуюопъ Царской головой,
 Торгуюопъ кляпвами вассаловъ.
 Какой-то ницій во дворецъ
 Невѣдомо опкомъ ходипъ,
 И Орликъ (17), Гепмановъ дѣлецъ,
 Его приводипъ и выводипъ.
 Повсюду шайно сѣюпъ ядъ
 Его подосланные слуги:
 Тамъ на Дону казачьи круги
 Они съ Булавинымъ (18) мушяпъ;
 Тамъ будяпъ дикихъ ордъ опвагу;
 Тамъ за порогами Днѣпра
 Спращаюпъ буйную вапагу
 Самодержавиемъ Петра.
 Мазепа всюду взоръ кидаепъ,
 И письма шлемпъ изъ края въ край:
 Угрозой хипрой подымаепъ
 Онъ на Москву Бахчисарай.

Король ему въ Варшавѣ внемлеть,
 Въ спѣнахъ Очакова Паша,
 Во спанѣ Карлъ и Царь. Не дремлеть
 Его коварная душа;
 Онъ, думой думу развивая,
 Вѣрнѣй гопповитъ свой ударъ;
 Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
 Неупомимъ преспупный жарь.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
 Когда предъ нимъ незапно грянуль
 Упадшій громъ! когда ему,
 Врагу Россіи самому,
 Вельможи Рускіе (19) послали
 Въ Полтавѣ писанный доносъ,
 И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
 Какъ жерпвѣ, ласки распочали;
 И озабоченный войной,
 Гнущаясь мнимой клеветой,
 Доносъ оспавя безъ вниманья,
 Самъ Царь Іуду упгѣшаль
 И злобу шумомъ наказанья
 Смирипъ надолго обѣщаль!

*

Мазепа, въ горестии припиворной,
 Къ Царю возноситъ гласть покорной.
 « И знаєтъ Богъ, и видилъ свѣній:
 « Онъ бѣдный Гепманъ двадцать лѣтъ
 « Царю служилъ душою вѣрной;
 « Его щедроюю безмѣрной
 « Осыпанъ, дивно вознесенъ....
 « О, какъ слѣпа, безумна злоба! ...
 « Ему ль теперъ у двери гроба
 « Началъ ученіе измѣнъ,
 « И поплемняти благую славу?
 « Не онъ ли помощь Станиславу (20)
 « Съ негодованьемъ опказалъ,
 « Спышась, опровергъ вѣнецъ Украины,
 « И договоръ и письма шайны
 « Къ Царю, по долгу, отослали?
 « Не онъ ли наущенъямъ Хана (21)
 « И Цареградскаго Салтана
 « Быль глухъ? Усердіемъ горя,
 « Съ врагами бѣлаго Царя
 « Умомъ и саблей радъ быль спорить,
 « Трудовъ и жизни не жалѣль,
 « И нынѣ злобный недругъ смѣль
 « Его сѣдины опозориши!

« И кто же? Искра, Кочубей!
 « Такъ долго бывъ его друзьями!... »
 И съ кровожадными слезами,
 Въ холодной дерзости своей,
 Ихъ казни пребуесть злодѣй (22)...

Чьей казни?... спарецъ непреклонный!
 Чья дочь въ объятияхъ его?
 Но хладно сердца своего
 Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
 Онъ говорилъ: « въ неравный споръ
 Зачѣмъ вспупаешь сей безумецъ?
 Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
 Самъ починъ на себя ипопоръ.
 Куда бѣжитъ, зажавши вѣжды?
 На чемъ онъ основалъ надежды?
 Или... но дочери любовъ
 Главы општовской не искушишь.
 Любовникъ Гепману успушитъ,
 Не то моя прольется кровь. »

Марія, бѣдная Марія,
 Краса Черкасскихъ дочерей!
 Не знаешь ты какаго змія
 Ласкаешь на груди своей.

Какой- же власпью непонятной
 Къ душѣ свирѣпой и развратной
 Такъ сильно пы привлечена?
 Кому пы въ жерпву опдана?
 Его кудрявия сѣдины,
 Его глубокія морщины,
 Его блестящій, вишлый взоръ,
 Его лукавый разговоръ
 Тебѣ всего, всего дороже:
 Ты мать забыть для нихъ могла,
 Соблазномъ поспланное може
 Ты опечай сѣни предпочла.
 Своими чудными очами
 Тебя спарикъ заворожилъ,
 Своими пихими рѣчами
 Въ тебѣ онъ совѣстъ усыпалъ;
 Ты на него съ благоговѣнемъ
 Возводишь ослѣпленный взоръ,
 Его лелѣшь съ умиленьемъ —
 Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
 Ты имъ, въ безумномъ упоены,
 Какъ цѣломудріемъ горда —
 Ты прелестъ нѣжную спыда
 Въ своемъ упрапила шаденьи. . .

Что спыдъ Марії? что молва?
 Что для нея мірскія пѣни,
 Когда склоняется въ колѣни
 Къ ней спарца гордая глава,
 Когда съ ней Гептманъ забываєтъ
 Судьбы своей и прудъ и шумъ,
 Иль пайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
 Ей дѣвѣ робкой открываєтъ?
 И дней невинныхъ ей не жаль,
 И душу ей одна печаль
 Порой, какъ шуча, запмеваєтъ:
 Она унылыхъ предъ собой
 Опца и мапь воображаетъ;
 Она, сквозь слезы, видишъ ихъ
 Въ бездѣлной спароспи, однихъ,
 И минися, пѣнямъ ихъ внимаєтъ....
 О, если бъ вѣдала она,
 Что ужъ узнала вся Украина!
 Но опь нея сохранена
 Еще убійственная пайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечами.
Марія нѣжными очами
Глядитъ на спарца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему пвердитъ.
Напрасно: черныкъ помышленій
Ея любовь не удалишь.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно попупыляетъ взоръ,
И ей на ласковый укоръ
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, всхлаептъ она
И говоритьъ съ негодованьемъ:

« Послушай, Гепманъ: для тебѧ
Я позабыла все на свѣтѣ.

Навѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметѣ:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастіе мое,
Но ни о чѣмъ я не жалѣю —
Ты помнишь: въ спрашной пишишь,
Въ ту ночь, какъ спала я пвою,
Меня любить ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ же ты меня не любишь?

М а з е п а.

Мой другъ, несправедлива ты.
Оспавъ безумныя мечты;
Ты подозрѣньемъ сердце губишь:
Нѣпть, душу тылкую пвою
Волнуюпть, ослѣпляютъ спрасши.
Марія, вѣрь: тебѣ люблю
Я больше славы, больше власпи.

М а р і я.

Не правда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь;
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу спаршинъ,
Въ ширахъ, разъѣздахъ — я забыла;

Ты долгой ночью иль одинъ,
 Иль съ нищимъ, иль у Езунта.
 Любовь смиренная моя
 Встрѣчаешь хладную суровость.
 Ты пиль недавно, знаю я
 Здоровье Дульской. Это новость;
 Кто эта Дульская?

М а з е п а.

И пы

Ревнива? Мне ль, въ мои ли лѣща
 Искашь надменного привѣта
 Самолюбивой красопы?
 И спасу ль я, спащикъ суровый,
 Какъ праздный юноша, вздыхашъ,
 Влачишь позорных оковы
 И женъ приворотомъ искушашъ?

М а р і я.

Нѣтъ, объяснись безъ опговорокъ
 И проспи, прямо опвѣтай.

М а з е п а.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
 Марія; такъ и бысть: узнай.

Давно замыслили мы дѣло;
 Теперь оно кипитъ у насъ.
 Благое время намъ приспѣло;
 Борьбы великой близокъ часъ.
 Безъ милой вольности и славы
 Склоняли долго мы главы
 Подъ покровительствомъ Варшавы,
 Подъ самовластіемъ Москвы.
 Но независимой державой
 Українѣѣ бытъ уже пора:
 И знамя вольности кровавой
 Я подымаю на П е т р а.
 Готово все: въ переговорахъ
 Со мною оба Короля;
 И скоро въ смущахъ, въ бранихъ спорахъ,
 Бытъ можетъ, пронъ воздвигну я.
 Друзей надежныхъ я имѣю:
 Княгиня Дульская и съ нею
 Мой Езупитъ, да ницѣй сей
 Къ концу мой замыселъ приводятъ.
 Чрезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
 Наказы, письма Королей.
 Всѣ важныя писбѣ признанья.

Довольна-ль ты? Твои мечтанья
Разсъяны ль?

М а р i я.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ съединамъ какъ пристанепъ
Корона царская!

М а з е п а.

Поспой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, чи по ждеть меня?

М а р i я.

Я близъ тебя не знаю спраха —
Ты пакъ могущъ! О знаю я:
Тронъ ждепъ тебя.

М а з е п а.

А если плаха?..

М а р i я.

Съ тобой на плаху, если пакъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣть: ты носишь власпи знакъ.

М а з е п а.

Меня ты любицъ?

М а р и я.

Я! люблю ли?

М а з е п а.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

М а р и я.

Милый другъ,

Къ чему вопросъ шакой? превозжитъ
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая спрашная мечта!)
Моимъ отцемъ я проклята,
А за кого?

М а з е п а.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

М а р и я.

О Боже!

М а з е п а.

Что жъ? отвѣчай.

М а р и я.

Рѣши ты самъ.

М а з е п а.

Послушай: если было бъ намъ,
 Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
 А ты бы намъ судьей была,
 Кого бъ ты въ жертву принесла,
 Кому бы ты была ограда?

М а р і я.

Ахъ, помню! Сердце не смущай!
 Ты искуситель.

М а з е п а.

Опивчай!

М а р і я.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
 О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ гопова
 Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
 Но спрашны мнѣ слова пакія.
 Довольно.

М а з е п а.

Помни же, Марія,
 Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха Украинская ночь.

Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.

Своей дремоты превозмочь
 Не хочепть воздухъ. Чупъ препещупъ
 Сребристыхъ шополей листы.
 Луна спокойно съ высопы
 Надъ Бѣлой-Церковью сіяепть
 И пышныхъ Гепмановъ сады
 И спарый замокъ озареитъ.
 И пихо, пихо все кругомъ;
 Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
 Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
 Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленъѣ,
 Окованъ, Кочубей сидитъ
 И мрачно на небо глядитъ.

Заупра казнь. Но безъ боязни
 Онъ мыслипть объ ужасной казни;
 О жизни не жалѣепть онъ.
 Чпо смерть ему? желанный сонъ.
 Гоповъ онъ лечь во гробъ кровавый.
 Дрема долипть. Но, Боже правый!
 Къ ногамъ злодѣя, молча, паспъ
 Какъ безсловесное созданье,
 Царемъ бытъ опдану во власпъ
 Врагу Царя на поруганье,

Утрапинъ жизнь — и съ нею чеспъ,
Друзей съ собой на плаху веспъ,
Надъ гробомъ слышатъ ихъ прокляпъя,
Ложась безвиннымъ подъ шпоръ,
Врага веселый встрѣпить взоръ
И смерти кинуться въ объятия,
Не завѣщаю никому
Вражды къ злодѣю своему! . . .

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И спарый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробуждѣнъ
Несчастный думаепъ: вонъ онъ!
Вонъ на пупи моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могущій разрѣшипель,

*

Духовной скорби врачъ, служитель
 За насъ разсияпаго Христпа,
 Его свяпую кровь и тѣло
 Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
 Да приступлю ко смерти смѣло
 И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушенiemъ сердечнымъ
 Гоповъ несчастный Кочубей
 Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
 Излипъ поску мольбы своей.
 Но не опшельника свяпаго,
 Онъ госпя узнаетъ иного:
 Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
 И опвращениемъ помимъ,
 Спрадалецъ горько вопрошаєтъ:
 Ты здѣсь, жестокой человѣкъ?
 Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
 Еще Мазепа возмущаєтъ?

О р л и къ.

Допросъ не конченъ: опвѣтай.

К о ч у б е й.

Я опвѣчалъ уже: спупай,
 Оспавь меня.

О р л и к ъ.

Еще признанья

Панъ Гепманъ требуетъ.

К о ч у в е й.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
Что вы хопѣли. Показанья
Мои, всѣ ложно. Я лукавъ,
Я спрошу козни. Гепманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

О р л и к ъ.

Мы знаемъ,

Что ты несчестно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единѣй кладъ
Тобой въ Диканькѣ (23) укрываемъ.
Свершилось казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступишь войсковую —
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: опирой,
Гдѣ клады скрытые тебой?

К о ч у в е й.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ опрада.

И первый кладъ мой чеспъ была,
 Кладъ эпопть пыпка опняла;
 Другой быль кладъ невозврашимый
 Чеспъ дочери моей любимой.
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
 Мазепа эпопть кладъ украй.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдний,
 Мой претпій кладъ: свяшпую меспъ.
 Ее гоповлюсь Богу снеспъ.

О р л и къ.

Спарикъ, оспавъ пустыя бредни:
 Сегодня покидая свѣтъ,
 Пипайся мыслю суровой.
 Шупинъ не время. Дай опвѣтъ,
 Когда не хочешь пыпки новой:
 Гдѣ спряпалъ деньги?

К о ч у в е й.

Злой холопъ!

Окончиши ли допросъ нелѣпой?
 Повремени: дай лечь мнѣ въ тробъ,
 Тогда спупай себѣ съ Мазепой
 Мое наслѣдие считать
 Окровавленными перспами,
 Мои подвалы разрывать,

Рубиши и жечь сады съ домами.
 Съ собой возмисше дочь мою;
 Она сама вамъ все разскажепть,
 Сама всѣ клады вамъ укажепть;
 Но ради Господа молю,
 Теперь оставъ меня въ покоѣ.

О р л и к ъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
 Не хочешь? — Деньги гдѣ скажи,
 Иль выйдепть слѣдствіе плохое.
 Подумай: мѣсто намъ назначь.
 Молчишь? — Ну, въ пытку. Гей, палачъ! (24)

Палачъ вошелъ. . . .

О, ночь мученій!
 Но гдѣ же Гептманъ? гдѣ злодѣй?
 Куда бѣжалъ опять угрызеній
 Змѣиной совѣсти своей?
 Въ свѣтицѣ дѣвы усыпленной,
 Еще незнаніемъ блаженной,
 Близъ ложа креспиницы младой
 Сидишь съ поникшею главой
 Мазепа тихій и угрюмый.

Въ его душѣ проходяще думы,
 Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
 « Умрепъ безумный Кочубей;
 Спасши нельзя его. Чемъ ближе
 Цѣль Гептмана, итѣмъ пверже онъ
 Быть долженъ власпью облеченъ,
 Тамъ передъ нимъ склоняпъся ниже
 Должна вражда. Спасеня нѣпъ:
 Доносчикъ и его клеврепъ
 Умрупъ. » Но брося взоръ на ложе,
 Мазепа думаешъ: « о Боже!
 Что будешъ съ ней, когда она
 Услышитъ слово роковое?
 Досель она еще въ покоѣ —
 Но пайна быть сохранена
 Не можетъ долѣе. Сѣкира,
 Упавъ поушту, загремитъ
 По всей Українѣ. Голосъ міра
 Вокругъ нея заговоритъ! ...
 Ахъ, вижу я: кому судьбою
 Волненя жизни суждены;
 Топъ спой одинъ передъ грозою,
 Не призываи къ себѣ жены.

Въ одну пелегу впрячь неможно
 Коня и трепетную лань.
 Забылся я неоспорожно:
 Теперь плачу безумства дань...
 Все, чпо цѣны себѣ не знаєшъ,
 Все, все, чѣмъ жизнь мила бываешъ,
 Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
 Мнѣ спарцу мрачному — и чпо же?
 Какой гоповлю ей ударъ! — »
 И онъ глядитъ: на шихомъ ложѣ
 Какъ сладокъ юноши покой!
 Какъ сонъ ее леѣшъ нѣжно!
 Успа раскрылись; безмятежно
 Дыханье груди молодой;
 А завтра, завтра... содрогаясь
 Мазепа опирается взглядъ,
 Вспаешъ и пихо пробираясь
 Въ уединенный сходинъ садъ.

Тиха Украинская ночь.
 Позрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремою превозмочь
 Не хочеть воздухъ. Чутье трепещутъ
 Сребристыхъ пополей листы.

Но мрачны спранныя мечты
 Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
 Какъ обвинительныя очи,
 За нимъ насыщливо глядяще.
 И споли, спѣсившись въ рядъ,
 Качая пихо головою,
 Какъ суды, щепчуши межъ собою.
 И лѣпней, теплой ночи пма
 Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
 Какъ бы изъ замка слышнши онъ.
 То быть ли сонъ воображенья,
 Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
 Иль пытки спонъ, иль звукъ иной —
 Но только своего волненъя
 Преодолѣть не могъ спарикъ
 И на пропяжный слабый крикъ
 Другимъ опившись проводаль — птѣмъ крикомъ,
 Копорымъ онъ въ весельи дикомъ
 Поля сраженья оглашалъ,
 Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
 И — съ нимъ... и съ эпимъ Кочубеемъ
 Онъ въ бранномъ пламени скакаль.

Зари багряной полоса
 Объемлещь ярко небеса.
 Блеснули долы, холмы, нивы,
 Вершины роцъ и волны рѣкъ.
 Раздался упра шумъ игривый,
 И пробудился чеовѣкъ.

Еще Марія сладко дышпипъ,
 Аремой обѣяпая, и сльшипъ
 Сквозь легкой сонъ, чпо кто-то къ ней
 Вончель и ногъ ея коснулся.
 Она проснулась — но скорѣй
 Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
 Опь блеска упреннихъ лучей.
 Марія руки пропиянула
 И съ нѣгой помною шепнула:
 Мазепа, пы?... Но голосъ сй
 Иной опивѣспишуешь ... о Боже!
 Вздрогнувъ, она глядипъ ... и чпо же?
 Предъ нею мапъ ...

М а т ь.

Молчи, молчи;
 Не погуби настъ: я въ ночи
 Сюда прокраилась оспорожно

Съ единой, слезною мольбой.
 Сегодня казнь. Тебѣ одной
 Свирипство ихъ смягчить возможно.
 Спаси опца.

Д о ч ь, въ ужасѣ.
 Какой отецъ?

Какая казнь?

М а т ь.

Иль ты донынѣ
 Не знаешь?.. иѣшь! ты не въ пустынѣ,
 Ты во дворцѣ; ты знать должна,
 Какъ сила Гептмана грозна,
 Какъ онъ враговъ своихъ караетъ —
 Какъ Государь ему внимаетъ —
 Но вижу: скорбную семью
 Ты опровергашъ для Мазепы;
 Тебя я сонну заспаю,
 Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
 Когда читаютъ приговоръ,
 Когда гопловъ опцу топоръ —
 Другъ друга, вижу, мы чужія...
 Опомнись: дочь моя! Марія,
 Бѣги, пади къ его ногамъ,
 Спаси опца, будь ангель намъ:

Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
 Ты можешьъ ихъ шпоръ опивестъ.
 Рвишь, пребуй — Гептманъ не опкажешъ:
 Ты для него забыла чеспъ,
 Родныхъ и Бога.

Д о ч ь.

Что со мною?

Опецъ... Мазепа... казнь — съ мольбою
 Здѣсь, въ эпомъ замкѣ машь моя —
 Нѣшь, иль ума лишилась я,
 Иль эпо грэзы.

М а т ь.

Богъ съ тобою,
 Нѣшь, нѣшь — не грэзы, не мечты.
 Уже ль еще не знаешьъ ты,
 Что пивой опецъ ожесточенный
 Безчеспья дочери не снесъ
 И, жаждой меспни увлеченный,
 Царю на Гептмана донесъ —
 Что въ испязаніяхъ кровавыхъ
 Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
 Въ спыдѣ безумной клеветы,
 Что, жерпива смѣлой правопы,
 Врагу онъ выданъ головою,

Что предъ Громадой войсковою,
 Когда его не освнитъ
 Десница вышняя Господня,
 Онъ долженъ бытъ казненъ сегодня,
 Что здѣсь покамѣстъ онъ сидитъ
 Въ плюремной башнѣ.

Д о ч ь.

Боже, Боже! . . .

Сегодня! — бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
 Какъ хладный падаетъ мерзвецъ.

Песпрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
 Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки (25).
 Въ спряхъ ровняются полки.
 Толпы кипятъ. Сердца препещутъ.
 Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
 Полна народу, шевелился.
 Средь поля роковой помосятъ.
 На немъ гуляютъ, веселился
 Палачъ и алчино жерпвы ждепъ:
 То въ руки бѣлыя берептъ,
 Играючи, топоръ тяжелой,

То шупнить съ черню веселой.
 Въ гремучй говоръ все слилось:
 Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
 Вдругъ восклицанье раздалось
 И смолкло все. Лишь конскій топотъ
 Былъ слышенъ въ грозной птишинѣ.
 Тамъ, окруженный сердюками,
 Вельможный Гепманъ съ спаршинами
 Скакалъ на ворономъ конѣ.
 А памъ по Киевской дорогѣ
 Телега ъхала. Въ превогѣ
 Всѣ взоры обратили къ ней.
 Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
 Могущей вѣрой укрепленный,
 Сидѣль безвинный Кочубей,
 Съ нимъ Искра пихій, равнодушный,
 Какъ агнецъ, жребію послужный.
 Телега спала. Раздалось
 Моленые ликовъ громогласныхъ.
 Съ кадиль куренье поднялось.
 За упокой души несчастныхъ
 Безмолвно молится народъ,
 Спрадальцы за враговъ. И вонъ
 Идутъ они, взошли. На плаху,

Крепясь, ложился Кочубей.
 Какъ будто въ гробѣ птымъ людей
 Молчать. Топоръ блеснулъ съ размаху,
 И отскочила голова.
 Все поле охнуло. Другая
 Капищая вслѣдъ за ней, мигая.
 Зардѣлась кровію права —
 И сердцемъ радуясь во злобѣ
 Пала чь за чубъ поймалъ ихъ обѣ
 И напряженною рукой
 Попрѣсь ихъ обѣ надъ плопой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
 Идѣть, разсыпавшись, домой,
 И про свои работы вѣчны
 Уже плокуешь межъ собой.
 Пускай поле понемногу.
 Тогда чрезъ пеструю дорогу
 Перебѣжали двѣ жены.
 Упомлены, запылены,
 Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
 Спѣшили полныя боязни.
 Уже поздно, кто-то имъ сказалъ
 И въ поле перспомъ указалъ.

Тамъ роковой намоспѣ ломали,
 Молилися въ черныхъ ризахъ попъ,
 И на шелегу подымали
 Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
 Мазепа, грозенъ, удалялся
 Опь мѣста казни. Онъ瑟зался
 Какой-то спрашной пустопой.
 Никто къ нему не приближался,
 Не говорилъ онъ ничего;
 Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
 Домой пріѣхавъ, чѣмъ Марія?
 Спросилъ Мазепа. Слышишь онъ
 Опивѣты робкіе, глухіе...
 Невольнымъ спрахомъ поражёнъ,
 Идепъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входилъ:
 Свѣтлица пихая пустила —
 Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродилъ;
 Но вокругъ широкаго пруда,
 Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
 Все пусто, нѣть нигдѣ слѣдовъ —
 Ушла! — Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
 Своихъ проворныхъ сердюковъ.

Они бѣгутъ. Храпяще ихъ кони —
 Раздался дикий кликъ погони
 Верхомъ — и скачутъ молодцы
 Во весь опоръ, во весь концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія.
 Не возвращается Марія.
 Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
 Зачемъ и какъ она бѣжала —
 Мазепа молча скрежеталъ.
 Запихнувъ, челядь препепала.
 Въ груди кипучий ядъ нося,
 Въ свѣтлицѣ Гепманъ заперся.
 Близъ ложа шамъ во мракѣ ночи
 Сидѣть онъ не смыкая очи,
 Нездѣшней мухою помимъ.
 Поупру, посланные слуги
 Одинъ явились за другимъ.
 Чути кони двигались. Подруги,
 Подковы, узды, чепраки,
 Все было пѣною покрыто,
 Въ крови, разперяно, избито —
 Но ни одинъ ему принесли
 Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣстъ.

И слѣдъ ея сущеспвованья
Пропалъ какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищетой.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
Спремись дерзновенно въ даль
Вождю Украины не мѣшаепъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ пѣмъ, члобъ обманутъ вѣрий
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась полной врачей,
На ложь мнимаго мученъя
Споная молитвъ изцѣленья.
Плоды спраспей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предпечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже гоповъ
Онъ скоро бренный міръ оставилъ;
Святой обрядъ онъ хочепъ править,
Онъ Архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины:

И на коварныя съдины
Елей шаниспвенный пчечпть.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ госпей ждала всечасно,
Средь спарыхъ, вражескихъ могиль
Головы Шведамъ призну шайну.
Незапно Карль поворопилъ
И перенесь войну въ Украину.

И день наспаль. Вспаепть съ одра
Мазепа, сей спрадалецъ хилой,
Сей прупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаепть гордыми очами
И саблей машепть — и къ Деснѣ
Проворно мчишися на конѣ.
Согбенный пняжко жизнью спарой,
Такъ оный хитрый Кардиналъ,
Вънчавшися Римскою шарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ спаль.

И вѣспѣ на крымъяхъ полемѣла.
 Украина смущено зашумѣла.
 « Онъ перешель, онъ измѣнилъ,
 Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
 Бунчукъ покорный. » Пламя пыщепѣ,
 Вспаептъ кровавая заря
 Войны народной.

Кто опишепѣ

Негодованье, гнѣвъ Царя (26)?
 Гремитъ анаема въ Соборахъ;
 Мазепы ликъ перзаептъ капъ (27).
 На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ
 Другаго Гептмана пворяпть.
 Съ бреговъ пуспинныхъ Енисея
 Семейства Искры, Кочубея
 Посиѣшно призваны Петромъ.
 Онъ съ ними слезы проливаептъ.
 Онъ ихъ, лаская, осыпаептъ
 И новой чеспью и добромъ.
 Мазепа врагъ, наездникъ пылкій,
 Спарникъ Палѣй изъ мрака ссылки
 Въ Украину ѣдетъ въ Царскій станъ.
 Трепещептъ бунтъ осиропѣмой.
 На плахѣ гибнептъ Чечель (28) смѣлой
 И запорожскій Атаманъ.

И ты, любовникъ бранной славы,
 Для шлема кинувшій вѣнецъ,
 Твой близокъ день, ты валъ Полпавы
 Вдали завидѣлъ наконецъ.

И Царь шуда жъ помчалъ дружины.
 Онъ какъ буря притекли —
 И оба спана средь равнинъ
 Другъ друга хипро облегли:
 Неразъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
 Заранѣ кровью опьянѣлый,
 Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
 Такъ грозный сходился боецъ.
 И злобясь видить Карль могучий
 Ужъ не разстроенный шучи
 Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
 А ниппъ полковъ блестящихъ, спройныхъ,
 Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
 И рядъ незыблемый шпиковъ.

Но онъ рѣшилъ: заупра бой.
 Глубокой сонъ во спанѣ Шведа.
 Лишь подъ помапкою одной
 Ведется шопотомъ бесѣда.

« Нѣть, вижу я, нѣть, Орликъ мой,
 Попоропились мы не кспати:
 Расчепъ и дерзкій и плохой,
 И въ немъ не будеши благодати.
 Пропала, видно, цѣль моя.
 Чѣло дѣлать? даль я промахъ важной:
 Ошибся въ эпомъ Кармъ я.
 Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
 Два - при сраженья разыграли,
 Конечно, можешъ онъ съ успѣхомъ,
 Къ врагу на ужинъ прискакать (29),
 Отвѣтствовавъ на бомбу смѣхомъ (30);
 Не хуже Русаго стрѣлка
 Прокрасилься въ ночь ко вражью спану;
 Свалишь какъ нынче казака
 И обмѣняшь на рану рану (31);
 Но не ему веселии борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ:
 Какъ полкъ вертѣться онъ судьбу
 Принудишь хочешъ барабаномъ;
 Онъ смыть, упрямъ, непергѣливъ,
 И легкомысленъ, и кичливъ,
 Богъ вѣстить какому счастью вѣришъ;
 Онъ силы новыя врага

Успѣхомъ прошлымъ только мѣрипть —
 Сломить ему свои рога.
 Спѣжусь: воинственнымъ бродягой
 Увлекся я на спорость лѣпть;
 Былъ ослѣпленъ его отвагой
 И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ
 Какъ дѣва робкая,»

О р л и къ.

Сраженія

Дождемся. Время не ушло
 Съ Петромъ опять войти въ сношенія:
 Еще поправить можно зло.
 Разбитый нами, нѣпть сомнѣнья,
 Царь не отвергнетъ примиренія.

М а з е п а.

Нѣпть, поздно. Рускому Царю
 Со мной мирипться невозможно.
 Давно рѣшилась непреложно
 Моя судьба. Давно горю
 Спѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
 Однажды я съ Царемъ суровымъ
 Во спавкѣ ночью пировалъ:
 Полны виномъ кипѣли чаши,
 Кипѣли съ ними рѣчи наши.

Я слово смѣлое сказалъ.
 Смутились гости молодые —
 Царь вспыхнувъ, чашу уронилъ
 И за усы мои сѣдые
 Меня съ угрозой ухватилъ.
 Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
 Олмѣшишь себѣ я клятву даль;
 Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
 Младенца носить. Срокъ наспаль.
 Такъ, обо мнѣ воспоминанье
 Хранишь онъ будешь до конца.
 Петру я посланъ въ наказанье;
 Я пернъ въ листахъ его вѣща:
 Онъ даль бы грады родовые
 И жизни лучшіе часы,
 Чѣобѣ снова какъ во дни бывы
 Держать Мазепу за усы.
 Но если еще для насъ надежды:
 Кому бѣжать, рѣшишь заря.

Умолкъ и закрываешь вѣжды
 Измѣнникъ Русаго Царя.

Горитъ восپокъ зарею новой.
 Ужъ на равнинѣ, по холмамъ

Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
 Кругами всходилъ къ небесамъ
 Навстрѣчу упренимъ лучамъ.
 Полки ряды свои сомкнули.
 Въ кускахъ разсыпались спрѣлки.
 Капяпіся ядра, свищутъ пули;
 Нависли хладные шпильки.
 Сыны любимые побѣды,
 Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
 Волнуясь, конница лепитъ;
 Пѣхопа движется за нею
 И пляжкой пвердоспью своею
 Ея спремленія крѣпнѣтъ.
 И битвы поле роковое
 Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
 Но явно счастье боевое
 Служилъ ужъ начиняется намъ.
 Пальбой отбивая дружины,
 Мѣшалась, падають во прахъ.
 Уходилъ Розенъ сквозь пѣснины;
 Сдається пылкій Шлипенбахъ.
 Тѣснимъ мы Шведовъ рапъ за рапью;
 Темнѣетъ слава ихъ знамень,
 И Богъ браней благодатью
 Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
 Раздался звучный гласъ ПЕТРА:
 « За дѣло, съ Богомъ! » Изъ шатра
 Толпой любимцевъ окруженный
 Выходитъ ПЕТРЪ. Его глаза
 Сияютъ. Ликъ его ужасенъ.
 Движенія быстры. Онъ прекрасенъ,
 Онъ весь, какъ Божія гроза.
 Идетъ. Ему коня подводятъ.
 Репивъ и смиренъ вѣрный конь.
 Почуя роковой огонь
 Дрожитъ. Глазами косо водитъ
 И мчится въ прахъ боевомъ,
 Гордясь могущимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пымаеетъ.
 Какъ пахарь, бипва опдыхаеетъ.
 Кой-гдѣ гарцууютъ казаки.
 Ровняясь спросятся полки.
 Молчитъ музыка боевая.
 На холмахъ пушки присмирѣвъ
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се — равнину оглашая
 Далече грянуло ура:
 Полки увидѣли ПЕТРА.

И онъ промчался предъ полками,
 Могущъ и радоспешъ какъ бой.
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ во слѣдъ неслись полпой
 Сии птенцы гнѣзда Петрова —
 Въ премѣнахъ жребія земнаго,
 Въ прудахъ державства и войны
 Его товарищи, сыны:
 И Шереметевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
 И, счастья баловень безродный,
 Полудержавный власпелинь.

И передъ синими рядами
 Своихъ воинственныхъ дружинъ,
 Несомый вѣрными слугами,
 Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
 Спрадая раной, Карлъ явился.
 Вожди героя шли за нимъ.
 Онъ въ думу тихо погрузился.
 Смущенный взоръ изобразилъ
 Необычайное волненіе.
 Казалось, Карла приводилъ
 Желанный бой въ недоумѣніе...

Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Рускихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Спѣной живою опраженнымъ,
Надъ падшимъ спроемъ свѣжій строй
Штыки смыкаєтъ. Тяжкой тучей
Опряды конницы лепучей,
Браздами; саблями звука,
Сшибаясь, рубяся съ плеча.
Бросая груды пѣль на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разяпъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Рускій — колепъ, рубинъ, рѣженъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ споронъ.

Среди превоги и волненья,
 На битву взоромъ вдохновенъя
 Воджи спокойные глядяшъ,
 Движенъя рапныя слѣдяшъ,
 Предвидяшъ гибель и побѣду,
 И въ пишинѣ ведушъ бесѣду.
 Но близъ Московскаго Царя
 Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
 Двумя поддержанъ казаками,
 Сердечной ревноспью горя,
 Онъ окномъ опытнымъ героя
 Взираешъ на волненье боя.
 Ужъ на коня не вскочишъ онъ,
 Одряхъ въ изгнанѣ сиропѣя,
 И казаки на кличъ Палѣя
 Не налепяшъ со всѣхъ споронъ!
 Но чѣлѣю его сверкнули очи,
 И гиѣвомъ, будто мглою ночи,
 Покрылось спарое чело?
 Чѣло возмутшишъ его могло?
 Иль онъ, сквозь бранный дымъ, увидѣлъ
 Врага Мазепу, и въ сей мигъ
 Свои лѣща возненавидѣлъ
 Обезоруженный спарикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
 Взиралъ на бипиву, окруженный
 Толпой мятежныхъ казаковъ,
 Родныхъ, спаршинъ и сердюковъ.
 Вдругъ выспрѣль. Спарецъ обратился.
 У Войнаровскаго въ рукахъ
 Мушкеппный спволъ еще дымился.
 Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
 Младой казакъ въ крови валялся,
 А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
 Почуя волю, дико мчался,
 Скрываясь въ огненной дали.
 Казакъ на Гепмана спремился
 Сквозь бипиву съ саблею въ рукахъ,
 Съ безумной яростью въ очахъ.
 Старикъ, подъѣхавъ, обратился
 Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
 Ужъ умиралъ. Попухшій зракъ
 Еще грозилъ врагу Россіи;
 Былъ мраченъ померпвѣлой ликъ,
 И имя нѣжное Маріи
 Чупъ ленепаль еще языкъ.
 Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
 Ура! мы ломимъ; гнуится Шведы.

О славный часъ! о славный видъ!
 Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ⁽³²⁾:
 И слѣдомъ конница пуспиласъ,
 Убийствомъ шуплятся мечи,
 И падшими вся спесь покрыласъ
 Какъ роемъ черной саранчи.

Пишуещъ ПЕТРЪ. И гордъ и ясенъ
 И славы полонъ взоръ его.
 И Царскій ширъ его прекрасенъ.
 При кликахъ войска своего,
 Въ шапрѣ своемъ онъ угощаетъ
 Своихъ вождей, вождей чужихъ,
 И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
 И за учителей своихъ
 Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый госпъ?
 Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
 Чью долговременную злоспѣ
 Смирилъ Полтавскій побѣдитель?
 И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
 Куда бѣжалъ Іуда въ спрахѣ?
 Зачѣмъ Король не межъ госпей?
 Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ⁽³³⁾?

Верхомъ, въ глухи степей нагихъ,
 Король и Гепманъ мчались оба.
 Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
 Опасность близкая и злоба
 Дарующъ силу Королю.
 Онъ рану пыжкую свою
 Забылъ. Поникнувъ головою,
 Онъ скакаетъ, Рускими гонимъ,
 И слуги вѣрные шомпою
 Чуть могутъ слѣдоватъ за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
 Степей широкій полукругъ,
 Съ нимъ спарый Гепманъ скакаетъ рядомъ.
 Предъ ними хупоръ... Что же вдругъ
 Мазепа будто испугался?
 Что мимо хупора помчался
 Онъ спороной во весь опоръ?
 Иль эшопъ запускѣлый дворъ,
 И домъ, и садъ уединенный,
 И въ поле отшерпная дверь
 Какой нибудь разсказъ забвенный
 Ему нацомнили шеперь?

Святой невинности губитель!
 Узналь ли ты сию обильть,
 Сей домъ, веселый прежде домъ,
 Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
 Семьей счастливой окруженный,
 Шупиль бывало за споломъ?
 Узналь ли ты приютъ укромный,
 Гдѣ мирный ангель обиталъ,
 И садъ, опкуда ночью пѣмной
 Ты вывелъ въ степь... Узналь, узналь!

Ночная пѣни степь объемлютъ.
 На брегѣ синяго Днѣпра
 Между скалами чупко дремлютъ
 Враги Россіи и Петра.
 Щадить мечты покой героя,
 Уронъ Полтавы онъ забыть.
 Но сонъ Мазепы смущенъ быть.
 Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
 Его зовутъ. Онъ пробудился.
 Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
 Тихонъко кпо-то наклонился.
 Онъ вздрогнулъ какъ подъ шпоромъ...

Предъ нимъ съ развидными власами,
 Сверкая впалыми глазами,
 Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
 Споиши, луной освѣщена . . .
 « Иль эшо сонъ? . . . Марія . . . ты ли? »

М а р і я.

Ахъ, пише, пише, другъ! . . . Сей часъ
 Опецъ и мать глаза закрыли . . .
 Постой . . . услышашь могутъ насть.

М а з е п а.

Марія, бѣдная Марія!
 Опомнишь! Боже! . . . Чѣо съ тобой?

М а р і я.

Послушай: хипроспи какія!
 Чѣо за разсказъ у нихъ смѣшной?
 Она за пайну мнѣ сказала,
 Чѣо умеръ бѣдныій мой отецъ
 И мнѣ птихонъко показала
 Сѣдую голову — Творецъ!
 Куда бѣжашь намъ опѣ злорѣчья?
 Подумай: эшо голова
 Была совсѣмъ не человѣчья,
 А волчья — видишь: какова!
 Чѣмъ обмануши меня хопѣла!

Не спыдно ль ей меня перзапь?
 И для чего? чтобъ я не смыла
 Съ тобой сегодня убѣжать!
 Возможно ль?

Съ гореспью глубокой

Любовникъ ей внималъ жестокой.
 Но, вихрю мыслей предана,
 Однако жъ, говорилъ она,
 Я помню поле... праздникъ шумной...
 И чернь... и мертвья пѣла...
 На праздникъ матерь меня вела...
 Но гдѣ жъ ты былъ?... Съ тобою розно
 Зачѣмъ въ ночи скрипаюсь я?
 Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
 Ахъ, вижу, голова моя
 Полна волненія пуспаго:
 Я принимала за другаго
 Тебя, старикъ. Оспавъ меня.
 Твой взоръ на смѣшилъ и ужасенъ.
 Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
 Въ его глазахъ блескинъ любовь,
 Въ его рѣчахъ пакая нѣга!
 Его усы бѣлѣе снѣга,
 А на пвоихъ засохла кровь,

И съ дикимъ смѣхомъ завиражала,
 И легче серны молодой
 Опа вспрыгнула, побѣжала
 И скрылась въ тьмнотѣ иночай.

Рѣдѣла пѣнь. Воспокъ алѣлъ.
 Огонь казачій пламенѣль.
 Пшеницу казаки варили;
 Драбанты у брегу Днѣпра
 Коней разсѣдланныхъ поили.
 Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
 Вспавай, Мазепа. Разсвѣтаєтъ.»
 Но Гепманъ ужъ не спить давно.
 Тоска, шоска его сидѣаетъ;
 Въ груди дыханье спѣснено.
 И молча онъ коня сѣдаєтъ,
 И скаченъ съ бѣглымъ Королемъ,
 И спрашно взоръ его сверкаетъ,
 Съ роднымъ прощаюсь рубежемъ.

Прошло спо лѣть — и что жъ осталось
Опь сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Сполъ полныхъ волею спраспей?
Ихъ поколѣнья миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданспвѣ сѣверной державы,
Въ ея воинспвленной судьбѣ,
Лишь тыи воздвигъ, Герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ — гдѣ мѣльницъ рядъ крымата
Оградой мирной обспущиль
Бендеръ пустынныи раскапы,
Гдѣ бродягъ буйволы рогапы
Вокругъ воинспвленыхъ могилъ —
Останки разореннай сѣни,
Три углубленныи въ землѣ
И хомъ поросшія спупени
Гласягъ о Шведскомъ Королѣ.

Съ нихъ опражалъ герой безумный,
 Одинъ въ полгѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рапи приспупъ шумной,
 И бросилъ шагу подъ бунчукъ;
 И пшцепно памъ пришелецъ унылый
 Искалъ бы Гепманской могилы:
 Забыть Мазепа съ давнихъ поръ;
 Лишь въ торжествующей святыни
 Разъ въ годъ анаемой донышѣ;
 Грязя, гремитъ о немъ Соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ спрадальцевъ прахъ почилъ;
 Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно Церковь приютила (54).
 Цвѣтепъ въ Диканькѣ древній рядъ
 Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
 Они о праотцахъ казненныхъ
 Донышѣ внукамъ говорятъ.
 Но дочь преступница . . . преданья
 Объ ней молчатъ. Ея спраданья,
 Ея судьба, ея конецъ
 Непроницаемою пмою
 Опъ насть закрыты. Лишь порою
 Слѣпой Украинскій пѣвецъ,

Когда въ сель предъ народомъ
Опъ пѣсни Гепмана бренчипъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говорилъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- (1.) Василій Леонтьевичъ Кочубей, генеральний Судія, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ Графовъ.
- (2.) *Хуторъ* — загородный домъ.
- (3.) У Кочубея было иѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Машреной.
- (4.) Мазепа въ самомъ дѣлѣ свастила свою красавицу, но ему отказаласи.
- (5.) Преданіе приписываетъ Мазепѣ иѣсколько пѣсень, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносе также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.
- (6.) Буничукъ и булава — знаки Гешманскаго доспѣшища.
- (7.) См. пр. *Мазепу* Байрона.
- (8.) Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Русскаго владычества.
- (9.) Григорій Самойловичъ, сынъ Гешмана, сосланного въ Сибирь въ началѣ Царствованія Петра I.
- (10.) Симеонъ Палый, Хвостовскій Полковникъ, славный наѣздникъ. За своеевые наѣзды сосланъ быть въ Енисейскъ по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдний оказался измѣнникомъ, то и Палый, какъ закоренѣлый врагъ его, быть возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.
- (11.) Костя Гордѣенко, Кошевой Атаманъ Запорожскихъ казаковъ. Въ послѣдшіи передался Барму XII. Взятъ въ пленъ и казненъ въ 1708 г.

- (12.) 20,000 Казаковъ было послано въ Лифляндію.
- (13.) Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что ишь управлещъ жена его, *гордал и высокогордна*.
- (14.) Искра, Полтавской Полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участіе.
- (15.) Езуитъ Заленской, Княгиня Дульская и какой-то Болгарской Архіепископъ, изгнанный изъ своего ордена, были главными агентами Мазепы измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Україну и обращалъ.
- (16.) Такъ назывались манифессы Геммановъ.
- (17.) Филиппъ Орликъ, генеральныи Писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго получилъ отъ Карла XII цуцой шишуль Малороссійскаго Геммана. Въ послѣдствіи принялъ Магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.
- (18.) Булгавинъ, Донской казакъ, бунтовавшій около того времени.
- (19.) Тайный Секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.
- (20.) Въ 1705 году. Смоир. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б. Каменскаго.
- (21.) Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Русское войско.
- (22.) Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносители пытали слишкомъ легко, неопытно требовать ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными спартанцами, а Графа Головкина съ пророкомъ Данииломъ.

(23.) Деревня Кочубея.

(24.) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытать въ войскѣ Гепмана. По оправдѣніи несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ ушаковыхъ.

(25.) Войско, соспоявшее на собственномъ изѣдивеніи Гепмановъ.

(26.) Сильныя мѣры, принятые Петромъ съ обыкновеній Его быстропрой и энергіей, удержали Украину въ повиновенії.

« 1708 Ноября 7-го числа, по Указу Государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали въ Гепманы Полковника Спародубскаго Ив. Скоропадскаго.

« 8-го числа приѣхали въ Глуховъ Киевской, Черниговской и Переяславской Архиепископы.

« А 9-го дня предали клятвѣ Мазепу оные Архіереи публично; шого же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли и снявъ кавалерію (кошорая на шу персону была надѣша съ бантомъ) оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпивъ за веревку, шатиль по улицѣ и по площади даже до висѣницы, и попомъ повѣсили.

« Въ Глуховѣ же 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ... » (*Журналъ Петра Великаго.*)

(27.) Малороссійское слово. Поруски палачъ.

(28.) Чечель ощаянно защищалъ Башуринъ прошивъ войскъ Кн. Менишникова.

(29.) Въ Дрезденѣ къ Королю Августу. Смошр. *Voltaire Hist. de Charles XII.*

(30.) Ахъ, В. В.! бомба! . . . — «Что есть общаго между бомбою и письмомъ, кошорое шебѣ дикшую? пиши.» Это случилось гораздо послѣ.

(31.) Ночью, Карль, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрелилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ при выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

(32.) Благодаря прекраснымъ разпоряженіямъ и дѣйствіямъ Би. Меншикова, участіе главнаго сраженія было рѣшено заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. Ибо (сказано въ Жур. Петра Вел.) *непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ все испрѣятельская армія весьма опрокинута.* Петръ въ послѣдствіи времени многое прощаль Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераломъ Би. Меншиковымъ.

(33.) L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чёмъ и радоваться) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment : où est donc mon frère Charles?

.
. . . . Alors prenant un verre de vin: A la sante, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous Messieurs les généraux Suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

(34.) Обезглавленныя шѣла Искры и Кочубея были ошданы родственникамъ и похоронены въ Киевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

„Кто если мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены супци,
Нонемже намъ спрасить и смерть новѣль молчани,

Сей камень возопієшь о насть при въщани,
 И за правду и вѣриость къ Монарсъ нашу,
 Страданія и смерти испытмо чашу,
 Злуданьемъ Мазепы, всевѣчио правы,
 Посьченны заславши японоромъ во главы;
 Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Манпера Владычинъ,
 Иодающілъ всѣмъ своимъ рабомъ живошъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посвѣчены средь обозу
 войскового, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ,
 благородный Василь Кочубей, Судія генеральний; Іоаннъ
 Искра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же шли ихъ
 Іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обишели святої Печер-
 ской на семъ мѣстѣ погребены.»
